

«СНАРЯДНЫЙ ШОК» В РОМАНЕ ПЭТ БАРКЕР «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Коваленко Екатерина Витальевна

аспирант Донецкого государственного университета (ДНР, Донецк, Россия)

e-mail: KovalenkoEck@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-1673-7259

Аннотация. «Возрождение» (“Regeneration”, 1991) – первый роман одноименной трилогии Пэт Баркер (Pat Barker), посвященной трагическим событиям Первой мировой войны, которая привела к беспрецедентным для Англии потерям, включающим в себя значительное количество психически травмированных солдат и офицеров. Понятие «снарядный шок» (“shell-shock”) в произведении П. Баркер предстает культурным концептом, который и сегодня ассоциируется у англичан именно с этим историческим периодом начала XX в. Целью статьи является рассмотрение особенностей художественной репрезентации «снарядного шока». Основными аспектами данного явления, которые Баркер использует при передаче травматического военного опыта, являются утрата мужественности, негативная реакция на это со стороны общественности, трагическое влияние психической травмы на солдат и офицеров. Невозможность принять и прожить свои эмоции становится для пациентов госпиталя серьезным препятствием на пути к нормальной жизни и подчеркивает калечащий и противоестественный для человека характер военных действий. Преодоление «снарядного шока» оказывается не только борьбой с травматическим опытом, но и с усвоенными представлениями о мужественности и социальными ожиданиями от мужской гендерной роли. Социальные ожидания находят свое отражение также и в подходах к лечению психологически травмированных солдат и офицеров. «Дисциплинарный подход» к лечению, связанный с образом Льюиса Йелланда, предполагает «перевоспитание» пациентов электрическим током, вынуждавшее их отказаться от «поддержания невроза». Аналитическое же лечение, представленное в романе деятельностью Уильяма Риверса, учитывает трагическую раздвоенность солдат между инстинктивным желанием выжить и предписаниями общественной морали. Ряд эпизодов в романе демонстрирует дальнейшее развитие идей З. Фрейда главным героем произведения, У. Риверсом, прежде всего, в сфере анализа символического наполнения сновидений. «Лечение разговором» доктора Риверса, заключающееся в преодолении травмы путем вербализации травмирующего опыта и принятия связанных с ним эмоций, видится П. Баркер как путь к «регенерации» отдельной личности, возрождению гуманности, нации и человечества.

Ключевые слова: Пэт Баркер, «Возрождение», «снарядный шок», госпиталь, военный невроз, Первая мировая война, Уильям Х. Риверс

Поэт Баркер (*Pat Barker*, 1943) – современная британская писательница, чьи романы посвящены проблемам травмы, восстановления и памяти. В своих произведениях П. Баркер почти всегда стремится проникнуть в прошлое, чтобы дать слово тем, кто не был представлен в официальной историографии. Наиболее известной является ее трилогия «Возрождение» (“*Regeneration*”), посвященная событиям Первой мировой войны. В первом, заглавном романе, вышедшем в 1991 г., рассказывается об открытом антивоенном письме «окопного» поэта Зигфрида Сассуна «Покончить с войной: Декларация солдата» (“*Finished with the War: A Soldier’s Declaration*”, 1917), которое, как известно, было не только опубликовано, но и зачитано в английском парламенте [Barker: 7]. Вследствие этого поэт с диагнозом «военный невроз» был отправлен в госпиталь Крейглокхарт, где его лечащим врачом стал У.Х.Р. Риверс.

По утверждению профессора европейской истории Н. Стоуна, «Первая мировая война продолжалась почти четыре года, унесла миллионы человеческих жизней и несла разрушение европейской цивилизации, которая до начала войны в 1914 г. была самым гордым творением мира» [Stone:19]. Первая мировая война ознаменовала одновременно и конец «старого света» (в частности, крушение викторианских идеалов), и начало войн нового типа, опиравшихся на технические новше-

ства и, по словам Д. Ружмона, «расчеты умных инженеров» [Ружмон: 251].

Широкое использование новых типов оружия в боевых действиях, когда артиллерийский огонь мог продолжаться непрерывно в течение нескольких суток, а также позиционная война, связанная с длительными периодами бездействия и сопровождающаяся постоянным страхом перед угрозой артиллерийского обстрела, породили психические расстройства, донныне незнакомые военным врачам, привыкшим лечить физические недуги [Howorth: 226]. Эти особенности Первой мировой войны привели к беспрецедентным потерям не только убитыми и ранеными, но также и психически травмированными солдатами и офицерами, которые не могли продолжать военную службу.

В романе «Возрождение» П. Баркер фокусируется на изображении психических расстройств, которые появились у офицеров в результате боевых действий. Один из наиболее распространенных диагнозов во время Первой мировой войны – это так называемый «снарядный шок» (“*shell-shock*”), который часто передают на русском как «контузию», «военный невроз», «нервное истощение в боевых условиях», «боевую психическую травму» и «посттравматическое стрессовое расстройство». По мнению профессора Ф. Райд, термин не является точным с точки зрения медицины, скорее, это концепт, имеющий устойчивую ассоциативную связь с Первой

мировой войной, особенно для британской культуры [Reid: 9–11]. Как отмечает А. Мухерджи, он используется для описания разнообразных симптомов, включающих паралич, мутизм (посттравматическую немоту), слепоту, кошмары, бессонницу, головокружения и депрессии [Mukherjee: 49].

В Великобритании «снарядный шок» имеет особый культурный статус как символ разрушительного военного потенциала и служит почти синонимом страданий солдат во время Первой мировой войны. В романе П. Баркер «Возрождение» «снарядный шок» выступает многокомпонентным концептом, аспектами которого становятся утрата мужественности, отчуждение от социума и негативная реакция общества, а также отчуждение от самого себя и разрушение личности.

«Снарядный шок» находится в фокусе внимания многих зарубежных исследований. Так, П. Хоурот рассматривает саму природу «снарядного шока», а также основные подходы к его лечению во время Первой мировой войны [Howorth]. Ф. Райд подробно исследует историю этого феномена как значимого не только для британской истории и медицины, но и культуры в целом [Reid]. Э. Шоултер уделяет внимание «снарядному шоку» в контексте своего исследования о зависимом положении женщин и сопутствующих ему психических заболеваний. Исследовательница проводит параллель между «мужской истерией» (“male hysteria”) (так ранее иногда

называли «снарядный шок») и психическими заболеваниями женщин, которые также часто сводились к истерическим расстройствам [Showalter].

Исследование Гр. Харриса посвящено взаимосвязи представлений о мужественности и отношения общественности к психически травмированным военным в Британии начала XX в. Здесь же описываются исторические события, которые легли в основу трилогии Пэт Баркер «Возрождение», включающей, кроме заглавного романа, также романы «Глаз в двери» (“The eye in the door”, 1993) и «Дорога призраков» (“Ghost road”, 1995) [Harris].

М. Баррет протестует против восприятия «снарядного шока» через психоаналитическую (прежде всего – фрейдистскую) призму и предлагает интерпретировать его в духе фукодианской категории «неразумия» (“unreason”) [Barret]. В статье А. Мухерджи «От заикания к истории: невроз и повествование в романе Пэт Баркер “Возрождение”» (“Stammering to story: Neurosis and Narration in Pat Barker’s Regeneration”, 2010) [Mukherjee] рассматриваются особенности передачи травматических воспоминаний и процесса их инкорпорирования в память индивидуума как личной истории.

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей художественной репрезентации «снарядного шока» в романе Пэт Баркер «Возрождение». В ней впер-

вые дается описание «снарядного шока» как многокомпонентного явления, связанного с викторианским идеалом мужественности, общественным предубеждением против проявлений человеческой слабости перед лицом смерти, а также существовавшими в начале XX в. подходами к лечению и того отчуждения, которое испытывают страдающие от психических травм офицеры. Задачами исследования выступают определение места «снарядного шока» в романном мире, а также художественные средства его передачи.

Тесное переплетение реальных исторических фактов и вымысла в «Возрождении» связано с использованием Баркер различных исторических источников: воспоминаний, заметок, публикаций (прежде всего окопных поэтов). В «Примечаниях автора» (“Author’s note”) Баркер приводит также использованные ею научные труды, прежде всего «Подавление военного опыта» (“The repression of war experience”, 1918), «Конфликт и сновидение» (“Conflict and dream”, 1923) У.Х.Р. Риверса и «Истерические расстройства на войне» (“Hysterical disorders of warfare”, 1918) Л. Йелланда, в которых оба врача размышляют о лечении психических травм, полученных солдатами и офицерами на фронте, а также описывают реальные случаи из собственной психотерапевтической практики. Для достоверного изображения исторических персонажей, функционирующих в образной системе романа (врач и антрополог У.Х.Р. Риверс,

окопные поэты З. Сассун и У. Оуэн), Баркер не только заимствует описание реальных медицинских анамнезов и обстоятельств, которые травмировали пациентов, но и творчески преобразует этот материал, создавая вымышленных героев (Прайер, Бернс) и их истории. Два источника, на которые ссылается Баркер, предлагают, по ее мнению, современный взгляд на феномен «снарядного шока» и психические посттравматические заболевания в целом – это Э. Лид (E. Leed) «Ничейная земля: боевые действия и идентичность в Первой мировой войне» (“No man’s land: combat and identity in World War I”, 1979) и Э. Шоуолтер (E. Showalter) «Женская болезнь» (“The female malady”, 1987). Данные работы исследуют взаимосвязь между зависимым положением человека и формированием у него психической травмы. Э. Лид исследует этот вопрос на примере психосоматических заболеваний мужчин во время Первой мировой войны, а Э. Шоуолтер сосредотачивается на социальном положении женщин в исторической перспективе. Сопоставление этих исследований обнаруживает сходство между механизмами формирования психических травм у мужчин и женщин, несмотря на различия их социальных ролей и исторических контекстов.

От всех английских мужчин во время войны независимо от общественного класса требовалось мужественное поведение, главной характеристикой которого была способ-

ность управлять своими реакциями. Неумение контролировать собственные эмоции и демонстрировать предписываемое викторианскими стандартами «мужское поведение» порицалось и рассматривалось как проявление слабости, фактически приравненное к женским истерикам. Викторианский образ мужественности неотделим также от заботы о своей семье и, прежде всего, способности обеспечить ее финансово, тем самым выполняя обязательства, связанные с этой гендерной ролью.

В «Возрождении» проблема утраты мужественности наиболее отчетливо представлена в образе Ральфа Андерсона – хирурга, который в полевых условиях не смог помочь французскому солдату, истекшему кровью у него на глазах. Приобретенный из-за этого случая панический страх крови делает для Андерсона невозможной дальнейшую карьеру медика и тем самым лишает его возможности обеспечивать свою семью [Barker: 41–43]. Анализируя его случай, доктор Риверс отмечает, что, возможно, единственным выходом из сложившейся ситуации, который видит для себя Андерсон, является самоубийство.

Андерсон оказывается запертым в рамках норм и правил, накладываемых на мужчин того времени, потому что любое поведение, выходящее за их пределы, автоматически маркируется как «нежелательное». Их сила настолько велика, что он не только не может прямо обсудить возникающие у него сложно-

сти со своей семьей или попросить помощи – Андерсон утрачивает и полноценный диалог с внешним миром, и контакт со своим «Я».

Э. Шоултер подчеркивает, что «снарядный шок», скорее всего, был следствием кризиса мужественности и испытанием «викторианского мужского идеала». По ее мнению, «долгосрочное подавление признаков страха, которое привело к “снарядному шоку” на войне, было лишь преувеличением ожиданий от мужской гендерной роли» [Showalter: 171].

Риверс связывает свои методы лечения с разрушением усвоенных пациентами представлений о мужественности. Он принимает и дестигматизирует переживания своих больных – прежде всего в их же глазах, подчеркивая, что в нервном срыве нет ничего постыдного, что ужас и страх являются неизбежной реакцией на травму войны и лучше признавать эти эмоции, чем подавлять их. Заявляя, что заботиться о других людях естественно и правильно, Риверс противопоставляет свою точку зрения самой сути викторианского воспитания: «Их [мужчин] научили воспринимать подавление эмоций как сущность мужественности. Мужчины, которые не выдерживали, плакали или признавались, что испытывают страх, были неженками, слабаками и неудачниками. Но не мужчинами» [Harris: 295–296].

Лейтенант Билли Прайер, один из пациентов Риверса, сопротивляется доверительным разговорам. Прайер попадает в госпиталь

Крейглокхарт, утратив способность говорить в результате травматического инцидента, который он не может вспомнить. Прайер насторожен и даже обвиняет Риверса в том, что, требуя откровенности от пациентов, тот сам подавляет свои психические проблемы. Демонстративно вызывающее, но никогда не выходящее за границы приличий поведение Прайера напоминает действия подростка, который не может прямо поделиться своими переживаниями. Единственный раз, когда офицер открыто просит доктора о поддержке, – сцена после сеанса гипноза, во время которого Прайер повторно переживает травмировавшие его обстоятельства. При этом он не может попросить о помощи иначе, чем делая свою просьбу маскулинно агрессивной: он толкает доктора головой в грудь, как бы компенсируя этим актом свою нерешительность или недостаточную «агрессивность» в жизненных обстоятельствах.

Доктор Риверс сравнивает себя в этот момент с «козой-нянькой» (“panny goat”) и вспоминает, что другой его пациент, Лейард, однажды назвал его “male mother”: «Я не вижу в вас отца, знаете ли <...> Скорее, что-то вроде... матери-мужчины» [Barker: 145]. Самому Риверсу не нравится это словосочетание, потому что оно имплицитно придает обычной человеческой заботе сугубо женские характеристики, даже когда она (забота) проявляется мужчинами, «как будто она могла быть позаимствована или даже украдена

у женщин» [“as if the ability were in some way borrowed, or even stolen, from women”] [Там же: 145].

Риверс прямо указывает на несводимость «отцовства» и «материнства» только к биологическим формам: «Один из парадоксов войны – один из многих – то, что самый жестокий из конфликтов установил отношения между офицерами и рядовыми, которые были... домашними. Заботливыми» [“One of the paradoxes of the war – one of the many – was that this most brutal of conflicts should set up a relationship between officers and men that was... domestic. Caring”] [Там же: 146]. Глядя на лица офицеров, которым часто не было и двадцати, Риверс отмечал выражение «вечной усталости», виденное им только в общих палатах больниц у матерей, на плечах которых была огромная семья и необходимость вырастить всех детей при небольшом доходе. Их объединяло то, что они «полностью ответственны за жизни, которые не в силах спасти» [Там же: 146].

Проблема подавления эмоций присуща и самому Риверсу, который постепенно осознает себя, по словам Баркер, «продуктом той же системы» [“a product of the same system”] [Там же: 66], что и его пациенты: «Советуя молодым отказаться от попыток подавления эмоций и позволить себе почувствовать жалость и ужас, которые неизбежно вызывал у них военный опыт, он подрывал основы (собственных представлений о ма-

скулинности) [“he was excavating the ground he stood on”]» [Там же: 67]. Примечательно, что сам доктор из-за глубокого внутреннего конфликта между долгом врача и долгом офицера также постепенно заболевает «военным неврозом», демонстрируя такие симптомы, как заикание, нервный тик и учащенное сердцебиение.

Кульминационным в плане борьбы с викторианским гендерным догматизмом становится эпизод, произошедший после медицинской комиссии, на которой Прайера признали негодным для фронтовой службы из-за астмы. Риверс застаёт пациента с опухшими от плача глазами. Несмотря на то, что Прайер не испытывает большого желания вернуться на фронт, он стыдится своего диагноза, словно подчеркивающего его слабость и немужественность, то есть, по сути, стыдится самой возможности выжить. Риверс терпеливо поясняет молодому человеку, что нет ничего постыдного в этом желании: «Всякое живое существо стремится к этому» [“You’d be a very strange sort of animal if you didn’t”] [Там же: 278–279].

В самом начале романа Баркер обозначает настроенное, часто негативное, отношение военного и медицинского руководства к людям, испытывающим психологические проблемы: одна из первых сцен романа – обсуждение Брайсом, старшим врачом госпиталя Крейгкокхарт, и Риверсом того факта, что Сассуна отправляют к ним. При этом

Риверс всерьез опасается за репутацию госпиталя, т. к. на тот момент еще не владеет полной и достоверной информацией о состоянии поэта и может только спрогнозировать стереотипное отношение общества к этой ситуации: «Вы можете представить, что скажет начальник медицинской службы, если узнает, что мы даем убежище “уклонистам” наряду с трусами, симулянтами, лодырями и дегенератами [“conchies as well as cowards, shirkers, scrimshankers and degenerates”]?» [Там же: 7].

Различие между существовавшими подходами к лечению психических заболеваний представлено в «Возрождении» образами врачей – Риверса и Льюиса Йелланда (Luis Yealland): «Лечение разговором», практикуемое Риверсом, контрастирует с более жестокими, хотя и эффективными методами таких врачей, как Льюис Йелланд, который возвращает немому солдату дар речи с помощью “фарадизации”, т. е. электрического тока [Barret: 237]. Врачебное насилие, таким образом, выступает в романе метафорой военного насилия над человечеством.

«Дисциплинарный подход» к лечению (его сторонником в романе выступает доктор Йелланд) подразумевает, что электрический ток служит как проверкой устойчивости симптомов, так и средством «перевоспитания» пациентов, вынуждавшем их отказаться от «поддержания невроза» [Smethurst: 419]. «Дисциплинарные терапевты» разрушили всякое различие между реальными не-

врезами и симуляцией, одинаково негативно относясь к подобным «проявлениям дегенерации» [Там же: 406].

Пациент Йелланда, Кэллан, как и Прайер, страдает от мутизма. Эпизод его лечения, свидетелем которого становится Риверс, больше напоминает пытку: пациенту не дают пить и не позволяют покинуть комнату, пока он не заговорит. Йелланд прибегает к суггестии, буквально навязывая пациенту «нужные мысли», указывая тому, что он якобы чувствует на самом деле: «Я знаю, вы не хотите, чтобы лечение приостанавливалось сейчас, когда вы делаете такие успехи. Вы благородный человек, и эти идеи, которые приходят вам в голову и заставляют вас хотеть уйти от меня, не отражают вашу истинную сущность» [Barker: 310]. При этом Йелланд полностью блокирует со своей стороны всякое общение, делая диалог невозможным: *«Ты должен говорить, но я не буду слушать ничего из того, что ты хочешь сказать»* (курсив П. Баркер. – Е. К.) [Там же: 309].

Аналитическое же лечение, чаще ассоциируемое с психоанализом (в романе оно представлено деятельностью доктора Риверса), рассматривало солдата как человека, беспомощно раздвоенного между инстинктом выживания и социально-моральными императивами, заставляющими его постоянно рисковать своей жизнью [Mukherjee: 49].

«Лечение разговором» (“talking cure”) Риверса помогало пациентам, пережившим

«снарядный шок», «встроить» травмирующее событие в их частные истории, обнаружить те аспекты, которые помогли бы им принять некогда случившееся. Диалогичная природа этого типа лечения делает особенно важной личность психотерапевта. Как говорит один из пациентов Риверса, Билли Прайер, подчеркивая необходимость intersubjectивных отношений между врачом и пациентом, *«<...> я предпочел бы поговорить с реальным человеком, а не с эмпатичными обоями [a strip of empathic wallpaper]»* [Barker: 70].

Часто у пациентов Риверса возникает характерный для психотерапии перенос. То, что многие из них воспринимают доктора как отеческую фигуру, связано не только с разницей в возрасте (а Риверс почти вдвое старше большинства своих пациентов), обеспечивающей психологическую вертикаль взаимоотношений (пациенты находятся в зависимом положении и вынуждены подчиняться). Искреннее участие и поддержка доктора позволяют пациентам почувствовать, что их услышали и приняли вместе с их слабостями и страхами.

Главные герои романа зачастую лишены близких отношений с отцами. Отец поэта Сассуна (и реального, и романного) оставил семью, когда ребенку было четыре года, и умер, когда тому исполнилось девять. Отец романного Риверса был эмоционально недоступным и властным человеком (правда, мы можем только предполагать, насколько это

соответствует реальности). Подобная ситуация – и у Билли Прайера и Дэвида Бернса, – образов, тщательно сконструированных Баркер на основе исторических документов, отражающих тогдашнюю жизнь и нравы общества. Отец Прайера крайне суров и порой жесток по отношению к сыну, а отец Бернса горячо поддерживает военные действия, несмотря на произошедшую с его сыном трагедию. При этом потребность в диалоге, обостряющаяся в периоды катастроф, остается неудовлетворенной из-за блокировки душевного контакта со стороны отцов.

Одним из конфликтов романа «Возрождение» становится столкновение условий фронта, калечащих человеческую психику, и социальных ожиданий от солдат, которым те должны соответствовать (мужественность в борьбе с врагом, следование долгу и чести). В романе показано, что бремя психических заболеваний было целиком возложено на солдат, как будто их неблагоприятные реакции на жестокий военный опыт каким-то образом проистекали из их же собственной врожденной нестабильности. Даже медицинские определения психических недугов подчеркивали невротические аспекты этих болезней, сопоставляемые с социальными ожиданиями того, как «настоящие мужчины» должны вести себя в пылу битвы [Harris: 290–291]. Это противостояние в романе описывается не только на общественном уровне, когда наличие психического заболевания являлось

стигмой и поводом для обвинений солдат в трусости и слабости со стороны социума, но и на индивидуально-личностном, когда оно порождало у солдат внутренний конфликт, сомнения и чувство вины.

Так, Билли Прайер под гипнозом вспоминает травмировавший его эпизод, когда он был вынужден собирать останки сослуживцев, которые еще несколько минут назад были живы. Спустя какое-то время после того, как сквозь доски настила он достал чей-то глаз и передал товарищу, помогавшему ему, со словами: «И что же мне делать с этим круглым леденцом?» [“What am I supposed to do with this gob-stopper?”], он почувствовал, что «онемение распространилось по всей нижней части лица». Первой реакцией Билли на это воспоминание было недоумение: «*И это все?*» [“Is that all?”]. Ему было сложно поверить, что он «сломался» из-за такого «пустяка» (курсив П. Баркер. – Е. К.) [Barker: 140–142]. Реакция Билли подразумевает, что должна быть некая еще более невообразимая степень ужаса, от которой настоящему мужчине «допустимо» сломаться. Произошедшую с ним кошмарную ситуацию он пытается истолковать исключительно «головным» образом, в то время как его внутренний мир настолько потрясен, что герой уходит в психическую болезнь.

«Снарядный шок» зачастую ведет к утрате витальной силы и отчуждению от самой жизни, что препятствует полноценному раз-

витию личности. Давление социальных норм только усугубляет невозможность принять фронтные воспоминания и связанные с ними эмоции, которые представляются невыносимыми.

Так, еще один пример психологической травмы воплощен в образе Дэвида Бернса, который в результате взрыва снаряда приземлился головой во внутренности разлагающегося трупа, после чего практически утратил способность принимать пищу. Из-за патологического истощения форма на нем висела настолько свободно, что он выглядел «будто чучело, перевязанное шнурком» [“a scarecrow tied together with string”] [Там же: 177]. Невозможность Бернса вернуться к нормальной жизни – а это единственный случай, когда доктор Риверс капитулирует, не в силах найти ничего, что могло бы смягчить для пациента страшную «насмешку судьбы», – усугубляет социальное отчуждение Дэвида. Так, родители Бернса предпочитают жить отдельно от него, а его отец поддерживает необходимость войны, несмотря на плачевное физическое состояние сына, впечатлившее даже членов медицинской комиссии.

Отчуждение Бернса усиливается отсутствием в романе развернутых диалогов с его участием: он лишь обменивается несколькими репликами с Риверсом. В Олдоборо, крошечном городке графства Суффолк, куда Бернс отправляется после госпиталя, он общается с местными жителями, которые виде-

ли его в военной форме еще «в первые дни и недели войны» [Там же: 233], но эти повседневные разговоры не приносят облегчения. Невозможность построения диалога из-за психической травмы усиливает безвыходность положения Дэвида.

Некоторые эпизоды «Возрождения» содержат сравнение идей Зигмунда Фрейда и Уильяма Риверса, так как Риверс не только развил, но и переосмыслил ряд фрейдистских психоаналитических положений в отношении «военных неврозов». Главным отличием становится определение самой причины военных неврозов: по мнению Риверса, – это инстинкт самосохранения, а не сексуальный инстинкт, как было предложено Фрейдом.

В романе «Возрождение» присутствует и онирическая компонента «снарядного шока». Так, доктор Риверс трижды анализирует сновидения, которые связывают сознание и бессознательное: один раз – сон своего пациента Ральфа Андерсона (хирурга с боязнью крови) и два собственных. Каждый раз метафорическое содержание снов сначала интерпретируется Риверсом согласно концепции фрейдистского психоанализа – и таким образом Баркер позволяет читателю лично убедиться в несостоятельности поверхностного применения этих идей, а затем Риверс предлагает собственную трактовку.

Так, Ральф Андерсон, рассказывая свой сон, иронически резюмирует, намекая на его расхожую сексуальную трактовку: «Это то, о

чем вы, “фрейдисты” [Freudian Johnnies], постоянно говорите, не так ли? Нагота, змеи, корсеты. Вы могли хотя бы попытаться взглянуть благодарным, Риверс. Это подарок» [Там же: 40]. Однако Риверс интерпретирует образ змеи как знак медицинской службы и выясняет, что Андерсон надеется преодолеть боязнь крови и остаться в профессии, потому что ему нужно содержать жену и маленького ребенка. Лечение осложняется тем, что Андерсон, по наблюдению Риверса, сам будучи медиком, вероятно, ранее уже получил базовые представления о фрейдизме из не прямых или предвзятых источников и поэтому опасается откровенно рассказывать о своих снах [Там же: 42–43].

Один из снов Риверса, например, связан с опытами по регенерации нервов. Сам Риверс отмечает, что этот сон, согласно фрейдистской теории сновидений, отражает конфликт между подавленным желанием и необходимостью следовать социальным нормам и правилам. На первый взгляд, сон действительно реализует желание доктора вернуться к занятиям наукой в Кэмбридже, однако проблема, на которую он указывает, лежит гораздо глубже и связана с чувством вины. Риверс испытывает внутренние противоречия, связанные с гуманностью применяемых им методов: «В последнее время почти все его сны фокусировались на конфликтах, возникающих в процессе лечения пациентов. Советуя им вспомнить травматические

события, которые привели их к отправке сюда, в действительности на самом деле он причинял боль и делал это в поисках метода лечения, который, как он знал, все еще был в значительной степени экспериментальным» [Там же: 64–65].

«Лечение разговором» Риверса предполагает использование психоаналитического инструментария, который задействуется подчеркнуто бережно и умеренно. Как уже было отмечено, Баркер использовала при подготовке романа статью У.Х.Р. Риверса «Подавление военного опыта» (“The Repression of War Experience”, 1918), на что она указывает в своих «Примечаниях автора» (“Author’s note”). В этой статье, в частности, сказано следующее: «Поскольку я выступаю за то, чтобы смотреть в лицо болезненным воспоминаниям и осуждаю страусиную политику, заключающуюся в попытках изгнать их из сознания, не следует думать, что я рекомендую сосредоточивать мысли только на таких воспоминаниях. Напротив, на мой взгляд, так же вредно постоянно зацикливаться на болезненных воспоминаниях или предчувствиях и предаваться чувствам сожаления и стыда, как и полностью изгонять их из своего сознания» [Rivers].

Именно эта уверенность У.Х.Р. Риверса в том, что психологическая травма преодолима путем вербализации травмирующего опыта и принятия эмоций, связанных с ним, крайне важна для понимания идеи романа:

войны являются травматическими не только для самих солдат, но и для целых наций и даже для всего мира, а единственный способ обеспечить дальнейшее выживание нации, человечества в целом – это осмысление и принятие такого опыта, но не стремление забыть его или заменить «официальной теорией». Одновременно с этим У.Х.Р. Риверс предостерегает и от чрезмерной фокусировки на мучительных воспоминаниях.

Подобное осмысление возможно только в двустороннем диалоге, участники которого заинтересованы во взаимопонимании и воспринимает друг друга как личностей с уникальным жизненным опытом. Стремление к диалогу в контексте как индивидуальной работы с последствиями психической травмы, так и взаимодействия с исторической памятью нации и всего человечества подчиняется принципу, в свое время сформулированному М.М. Бахтиным: «<...> Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, с ними можно только диалогически общаться. Думать о них – значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачиваются к нам своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершённые объектные образы» [Бахтин: 80]. Происходя на границе между «Я» и «Другим» – в контексте личности, культуры, нации – диалог не только несет осмысление событий, но и выступает двигателем самой жизни.

Таким образом, война – это противоестественное состояние бытия, психически травмирующее героев, разрушающее на глубинном уровне и их самих, и межличностные отношения, что подталкивает к трагическому разобщению человека и окружающего мира.

«Снарядный шок», выступающий в романе П. Баркер «Возрождение» значимым культурным концептом, сопровождается осознанием гендерной ущербности, утратой способности говорить как возможности общаться с миром, утратой витальности, мотивами отчуждения и сиротства. Все это усилено онирической компонентой, выявляющей наиболее травматические моменты.

Бесчеловечный «дисциплинарный подход» Йелланда к лечению травмы противостоит в романе аналитическому «лечению разговором» У. Риверса, представляющего собой переосмысление и развитие психоаналитических идей З. Фрейда о причинах возникновения военной травмы. Этот же подход, основанный на человеческом, бережном отношении к «Другому» и выстраивании диалога, может быть понят как путь к исцелению отдельной личности, к возрождению нации и всего человечества.

Литература

Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч. в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т.6. С. 6–300.

Ружмон, Д. Любов і західна культура. Львів: Літопис, 2000.

Barker, P. (2019). *Regeneration*. Penguin Books.

Barrett, M. (2012). Pat Barker's *Regeneration* trilogy and the freudianization of shell shock. *Contemporary Literature*, 53, 237–260. DOI:10.1353/cli.2012.0016

Harris, Gr. (1998). Compulsory masculinity, Britain, and the Great War: the literary-historical work of Pat Barker. *Critique-studies in Contemporary Fiction*, 39, 290–304. DOI: 10.1080/00111619809599537

Howorth, P. (2000). The treatment of shell-shock: cognitive therapy before its time. *Psychiatric Bulletin*, 24, 225–227. <https://doi.org/10.1192/pb.24.6.225>

Mukherjee, A. (2001). Stammering to story: neurosis and narration in Pat Barker's *Regeneration*. *Critique-studies in Contemporary Fiction*, 43, 49–62.

Reid, F. (2010). *Broken men: shell shock, treatment and recovery in Britain, 1914–1930*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury. DOI: 10.1080/00111610109602171

Rivers, W.H.R. (1918). The repression of war experience. *The Lancet*, 194. Retrieved from: <https://net.lib.byu.edu/estu/wwi/comment/rivers.htm> (date of access: 10.10. 2024).

Showalter, E. (1985). Male hysteria: W.H.R. Rivers and the lessons of shell shock. In E. Showalter, *The female malady: women, madness, and English culture, 1830–1980*. New York: Penguin, 167–194.

Smethurst, T. (2014). The making of torture in Pat Barker's *Regeneration*. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*, 55, 406–421.

Stone, N. (2007). *World War One: a short history*. London: Penguin Books.

References

Bakhtin, M.M. (2002). *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. In S.G. Bocharov, & A.A. Gogotishvili (Eds.), *Sobraniye sochineniy v 7 tomakh* [Collected works volumes 1–7] (V. 6). Moscow: Russkiye slovari: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Barker, P. (2019). *Regeneration*. Penguin Books.

Barrett, M. (2012). Pat Barker's *Regeneration* trilogy and the freudianization of shell shock. *Contemporary Literature*, 53, 237–260. DOI:10.1353/cli.2012.0016

Harris, Gr. (1998). Compulsory masculinity, Britain, and the Great War: the literary-historical work of Pat Barker. *Critique-studies in Contemporary Fiction*, 39, 290–304. DOI: 10.1080/00111619809599537

Howorth, P. (2000). The treatment of shell-shock: cognitive therapy before its time. *Psychiatric Bulletin*, 24, 225–227. <https://doi.org/10.1192/pb.24.6.225>

Mukherjee, A. (2001). Stammering to story: neurosis and narration in Pat Barker's *Regeneration*. *Critique-studies in Contemporary Fiction*, 43, 49–62.

Reid, F. (2010). *Broken men: shell shock, treatment and recovery in Britain, 1914–1930*.

London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury. DOI: 10.1080/00111610109602171

Rivers, W.H.R. (1918). The repression of war experience. *The Lancet*, 194. Retrieved from: <https://net.lib.byu.edu/estu/wwi/comment/rivers.htm> (date of access: 10.10. 2024).

Rougemont, Denis de. (2000). *L'Amour et l'Occident* [Love in the western world]. Lviv: Litopis.

Showalter, E. (1985). Male hysteria: W.H.R. Rivers and the lessons of shell shock. In E. Showalter, *The female malady: women, madness, and English culture, 1830–1980*. New York: Penguin, 167–194.

Smethurst, T. (2014). The making of torture in Pat Barker's *Regeneration*. *Critique: Studies in Contemporary Fiction*, 55, 406–421.

Stone, N. (2007). *World War One: a short history*. London: Penguin Books.

Для цитирования: Коваленко Е.В. «Снарядный шок» в романе Пэт Баркер «Возрождение» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. No 3. С. ч. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-63-77

For citation: Kovalenko, E.V. (2024). “Shell-shock” in Pat Barker’s “Regeneration”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (3), 63–77. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-3-63-77

“SHELL-SHOCK” IN PAT BARKER’S “REGENERATION”

Ekaterina V. Kovalenko, PhD Student at Donetsk State University (DPR, Donetsk, Russia);
email: KovalenkoEck@yandex.ru

Abstract. Pat Barker’s “Regeneration” (1991) is the first book in the “Regeneration” trilogy exploring the tragic events of the World War I which resulted in an appalling death toll including not only physically wounded but also mentally traumatized soldiers and officers. “Shell-shock” in the novels appears to be a cultural construct strongly associated in the English mind with the beginning of the 20th century. This article is supposed to examine the main features of “shell shock” representation in the novel which are used by Barker to depict traumatic military experiences. They include demasculinisation, negative public reaction, and the immense destructive impact of trauma on soldiers’ and officers’ mental health. The fact that Craiglockhart patients are unable to accept their emotions and incorporate them as a part of their experience prevents patients from returning to normal life and highlights the drastic effects of war. It is not only a traumatic experience that Craiglockhart patients struggle with but also deeply ingrained ideas about masculinity and societal expectations regarding male gender roles. Several approaches to treating of mental conditions reflect societal attitudes towards mentally traumatized people. A disciplinary approach to treatment, embodied in Lewis Yealland, involves forcing patients to abandon their “support of neurosis” with the use of electric shock therapy. William Rivers, as a representative of an analytical approach, takes into account soldiers’ inner conflict between instincts toward individual self-preservation and moral precepts. Several episodes in the novel demonstrate further development of Sigmund Freud’s ideas by the protagonist, W. Rivers, particularly in analyzing the symbolic content of dreams. Dr. Rivers’ “talking cure,” which enables patients to overcome trauma by narrating their traumatic experiences and accepting their emotions occurring during the process seems to be interpreted by P. Barker as a way for a regeneration on various levels: individual, national, or global which includes all humanity.

Keywords: Pat Barker “Regeneration”, shell-shock, war neurosis, World War I, William H. R. Rivers

